

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2020-4-90-99

МНОГОГОЛОСИЕ И ЖАЖДА СЧАСТЬЯ: ОБРАЗ ДЕТСТВА В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Светлана Борисовна Королева

д. филол. н., профессор кафедры преподавания

русского языка как родного и иностранного

Нижегородский государственный лингвистический

университет им. Н. А. Добролюбова

603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а. klimova1@hotmail.com

SPIN-код: 8621-0051

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

ResearcherID: M-2854-2016

Марина Юрьевна Ковалева

магистрант, лаборант-исследователь

Нижегородский государственный лингвистический

университет им. Н. А. Добролюбова

603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а. kovalevamarina.yu@yandex.ru

SPIN-код: 9776-4989

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2682-705X>

ResearcherID: AAX-2589-2020

Статья поступила в редакцию 25.05.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Королева С. Б., Ковалева М. Ю. Многоголосие и жажда счастья: образ детства в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 90–99. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-90-99

Please cite this article in English as:

Koroleva S. B., Kovaleva M. Yu. Mnogogolosie i zhazhda schast'ya: obraz detstva v romane Sh. Bronte «Dzheyn Eyr» [Polyphony and Thirst for Happiness: the Image of Childhood in Charlotte Brontë's 'Jane Eyre']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 4, pp. 90–99. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-90-99 (In Russ.)

Статья посвящена образу детства как одному из самых сложных элементов в системе образов романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». В предпринятом исследовании освещаются вопросы многоголосия образа детства в романе – места в нем различных точек зрения на ребенка и взрослого – и роли поисков счастья в становлении характера героини-рассказчицы. Прослеживается, как кропотливо, из отдельных точных деталей внутренней и внешней жизни складывается сюжетная линия формирования духовного облика героини-рассказчицы и параллельно – линия восприятия и осмысления ею слабых и сильных сторон своего характера. Особое внимание уделяется множественности точек зрения, из которых складывается образ юной героини. Исследуется роль мотивов сиротства, отверженности, одиночества, с одной стороны, и мотива поиска счастья – с другой в развитии образа детства в романе. Прослеживается изображение пути взросления героини-рассказчицы: не только прохождение ею сложнейших жизненных испытаний, но и многоступенчатое развитие ее сознания от неясных впечатлений-ощущений – к четкому осознанию себя, к выработке принципов поведения, к пониманию устройства мира, общества, человека, от полной отчужденности от мира – к способности сопереживать и открывать свое сердце другому, от творческих задатков и инстинктивности – к предприимчивости, духовной развитости, отстаиванию своей «естественности», своей позиции.

Анализируется сопоставление и противопоставление образов детей в романе на основе религиозно-дидактических сигналов (Джейн и дети миссис Рид) и на основе религиозно-нравственной системы ценностей (Джейн и Элен). Отмечается роль природного упорства и особой (отчасти протестантской) модели ответственного и естественного поведения с опорой на чувство любви, которая вырабатывается в Джейн в детстве и которая со временем приводит ее к супружескому счастью.

Ключевые слова: викторианская литература; роман воспитания; Шарлотта Бронте; образ детства; мотив; многоголосие; дидактичность; протестантизм.

Образ детства занимает особое место в английской литературе эпохи викторианства. Если в английских романах второй половины XVIII в. образ ребенка служит для создания контраста между невинной детской душой и извращенной рассудочностью и холодностью поступков взрослого персонажа [Кон 1999: 434], если в нем чаще ищут взрослого, чем самого ребенка [Дмитриев 1980: 106], если в поэзии английских романтиков – У. Блейка, У. Вордсворта, лорда Байрона – детство изображается в общих чертах как пора невинного спокойного счастья, связанного с общением с природой, беззаботностью, нерелексивностью сознания, относительной свободой от душных уз общества (как мир «максимума возможностей», по Н. Я. Берковскому [Берковский 2001: 31]), то в викторианской литературе впервые возникает многогранный образ детства [Дианова 1996: 6], писатели, философы, медики начинают уделять пристальное внимание проблемам, трудностям, этапам в формировании личности ребенка [Выговская 2018: 41–62; Shattleworth 2010].

Это объясняется как социально-историческими причинами, так и причинами собственно литературными, эстетическими. С одной стороны, с середины XIX в. в Англии проходят реформы в области детского воспитания и образования, издаются детские книги, увеличивается производство игрушек, появляются особые семейные традиции. С другой стороны, викторианская литература как литература классического реализма сфокусирована на проблеме воздействия общества на личность человека и, соответственно, на проблеме влияния взрослой и детской среды на формирование личности ребенка. В викторианском романе воспитания важными становятся две линии: влияние взрослого характера на формирование ребенка и влияние мира детства на становление личности героя. Подобные тенденции можно проследить в творчестве Дж. Остин, Ч. Диккенса, Эмили и Шарлотты Бронте.

Среди книг Шарлотты Бронте наибольшую известность получил роман «Джейн Эйр». Образ детства, созданный в нем, как и многие другие образы романа, автобиографичен. Как известно, семья Шарлотты Бронте жила в маленькой дере-

вушке в Йоркшире и имела очень скромные доходы. Отец Шарлотты Патрик Бронте был приходским священником англиканской церкви. Ее мать Мэри умерла, когда Шарлотта была еще маленькой. Воспитанием девочек долгое время занималась старшая сестра матери, очень религиозная женщина. Позже отец, которому некогда было уделять внимание детям, отдал их в школу для дочерей духовенства в Кован-Бридж – место весьма суровое.

Все эти факты нашли ясное отражение в образе детства, созданном в романе: главная героиня романа Джейн с раннего возраста живет если не в условиях неизбывной бедности, то на правах бедной родственницы в богатой семье. Так же, как сама писательница, она в детстве становится отчасти сиротой, чувствует себя лишенной семейного тепла и проходит через жестокие испытания одиночеством и суровыми условиями воспитания в школе-интернате.

Особое воплощение в образе детства, созданном в романе, находят англиканское религиозное воспитание и радикальные пуританские религиозные убеждения писательницы [Васильева 2016: 13]. Помимо Джейн, духовно-нравственное становление которой мы можем проследить во всех деталях, христианская религия – в аспектах англиканства, пуританства и католичества, а также в мотивах страстей, которые могут бушевать в сердце ребенка и даже превращать его в животное, в силах разума, позволяющих сохранить контроль над своим поведением, и чувствительного сердца, которое помогает понять боль другого, – становится существенной частью образа детства в произведении.

Автобиографичными являются и многие черты характера, и внешний облик Джейн. В этом, как и в описании невзгод, выпадающих на долю «обычной», почти заурядной и поэтому не «искусственно созданной», а «настоящей» девушки, писательница, как известно, преследовала принципиальную цель: в противовес литературным героиням-красавицам вывести «героиню такой же маленькой и невзрачной», как она сама [Гаскелл 2016: 311]. Однако тот факт, что и в основных чертах характера, и во внешности «маленькая героиня» Джейн Эйр родом из детства, заслуживает отдельного исследовательского внимания.

Образ героини-ребенка на настоящий момент фрагментарно рассмотрен как в отечественном [Выговская 2018: 55–56; Проскурнин 2009], так и в зарубежном [Slowman 1974; Siebenschuh 1976; Shattleworth 2014] литературоведении. Освещены вопросы изображения мира детства сквозь призму детского чтения, деталей внешнего мира и внутреннего состояния, особенностей характера героини-ребенка, несовпадения взглядов из синхронии и ретроспекции. Однако представляется, что некоторые исследовательские лакуны остаются: это, в частности, вопросы о соотношении рационального и импульсивного в становящемся характере героини, об оценке импульсивности как естественности (положительный аспект) и как неконтролируемой страстности (отрицательный аспект) в структуре мотивов романа, о системе детских образов в их сопоставлении и противопоставлении и о роли поиска счастья в сюжете взросления героини. Именно эти вопросы являются центральными в настоящей статье.

В произведении кропотливо, из отдельных точных деталей внутренней и внешней жизни складывается сюжетная линия формирования духовного облика главной героини и параллельно – линия восприятия и осмысления героиней слабых и сильных сторон своего характера. Роман, написанный от первого лица, не является только романом-воспоминанием, ретроспективным рассказом: описания событий в нем часто происходят синхронно с самими событиями, даются «изнутри» ситуации, и именно поэтому это роман подлинного становления, взросления, роман постоянных переходов от меньшей степени осознанности к большей, от меньшего понимания к большему. С другой стороны, время от времени в канву повествования вторгается голос уже выросшей, взрослой рассказчицы-героини: через него дается оценка состоянию сознания и души героини-ребенка, в связи с чем роман приобретает и дидактический пафос, и психологическую аналитичность. Образ Джейн оценивается и с третьей, внешней позиции: это множественные голоса персонажей, особенно взрослых, суждения которых о себе героиня воспроизводит, как правило, с точки зрения своего детского сознания.

Роман начинается с эпизода, в котором изображается одиночество и своеобразное (внутри-семейное и несправедливое) изгнанничество маленькой героини, а также ее попытки обрести счастье в общении с книгами. Примечательно, что героиня в этом эпизоде выбирает те книги, в которых описываются фантастические приключения и выдуманные или очень далекие экзотические страны. Поиск счастья – лейтмотив рома-

на – оказывается сопряжен уже в этом начальном эпизоде с мотивом сверхъестественного и увязанного с ним мотивом воображения: героиня на всем протяжении романа и в детском, и в уже взрослом состоянии привлекают пейзажи с «готическим флером», рассказы о необычайных приключениях, все, что будоражит воображение. Чувствительность, душевная тонкость, развитое воображение – вот что существенно отличает ее от окружающих и в детстве, и когда она становится взрослой: сначала именно этими чертами она оказывается противопоставлена детям миссис Рид, затем они выделяют ее из безликой (за исключением Элен Бернс) группы воспитанниц Ловуда, именно они привлекают к ней внимание мистера Рочестера. Джейн способна живо вообразить и испугаться призрака умершего дяди, будучи запертой в комнате, где он когда-то умирал, и это вызывает у окружающих только недоверие, удивление, презрение. На акварелях, которые она рисует в восемнадцатилетнем возрасте и которые увлеченно рассматривает мистер Рочестер, изображены бурное море и таинственная утопленница, горный пик и загадочная фигура женщины, сверкающий айсберг и мистически огромная голова.

Мотив воображения, влечение к сверхъестественному, однако, не связаны в образе Джейн собственно – или исключительно – с предромантическим «следом» в творчестве Ш. Бронте. За верой в мистические начала природы и жизни в Джейн скрывается вера в чудо человеческого сердца, человеческой любви. Джейн несчастна, потому что ее не любят, не принимают, и в ответ не любит и она – вот почти точная формулировка ее общего эмоционального состояния в семье миссис Рид. Делает ее почти счастливой лишь просыпающееся в ней чувство любви по отношению к старой кукле в моменты, когда она засыпает в обнимку с ней и верит в ее ответную любовь. Чудо чистой неиссякаемой любви обнаруживает она позже в приюте Ловуд в двух существах, с которыми сразу сближается: в воспитаннице Элен Бернс и директрисе мисс Темпл. Чудо любви делает ее союз с мистером Рочестером освященным счастьем.

Вера в чудо любви – так же, как и тяга к сверхъестественному – в образе Джейн имеет отношение к католическому мировосприятию, которое, как известно, гораздо более мистично и иррационально, чем мировосприятие протестантское [Taylor 2007: 29–30]. Оно имело определенное воздействие на мировоззрение самой Ш. Бронте, как бы помимо ее протестантских убеждений и общей антикатолической риторики,

столь характерной для Англии 1840–1850-х гг. [Peschier 2005]. Как утверждает К. Вежвода в статье «Идолопоклонничество в “Джейн Эйр”», интеллектуально «Бронте находила католицизм отвратительным», но он притягивал ее всю жизнь, особенно «вследствие ее почти двухлетнего пребывания в Бельгии» [Vejevoda 2003: 242]. Неслучайно в речи мистера Рочестера возникает отсылка к «католическому принципу», которым он руководствуется в отношении Адели, а характерные для его речи фантазии, связанные с упоминаниями мифологических, сказочных существ, играют важную роль в структуре его образа. Неслучайно также, что иррациональное начало в образе Джейн противостоит в системе образов романа многочисленным сухим, мелочным, жестокосердным, гордящимся собой протестантам различного толка, начиная с миссис Рид и мистера Брокльхерста и заканчивая мисс Скетчерд и мистером Сент-Джоном¹.

При этом узел «счастье-любовь», который завязывается в начальном эпизоде романа, подразумевает, конечно, не только веру в чудесные проявления божественного в земном мире («католический след»), но и внимание к земному, борьбу за себя не только в духовном, но и в физическом и социальном смыслах («протестантский след»). Именно поэтому поиск счастья уже здесь сопряжен с поиском любви окружающих и мотивами внутрисемейной несправедливости и жестокости близких людей, с мотивами незащищенности и мучительной материальной зависимости. Этот поиск временно прекращается в связи с грубым внешним вторжением: ее двоюродный брат Джон не только запрещает ей читать «его» книги, но и жестоко избивает ее.

Это момент, который открывает в Джейн особые черты складывающейся личности: в ней просыпается не осознанное желание, а инстинкт самосохранения. Неосознанность этого импульса подчеркивается в начале второй главы перефразированием: “I was a trifle beside myself”, “OUT of myself” / «не в себе», «вне себя» [Бронте 2017: 41]. Именно с него начинается борьба героини за свое место в мире. За инстинктом следует борьба с собой за взросление – за поиск и осмысление этических и философских принципов, которыми следует руководствоваться в своих решениях, действиях, словах. Просыпается разум и воля: “Unjust! – unjust! said my reason <...>, equally wrought up, instigated some strange expedient to achieve escape from insupportable oppression <...>” / «“Ведь это же несправедливо, несправедливо!” – твердил мне мой разум <...>, а проснувшаяся энергия заставляла меня искать

какого-нибудь способа избавиться от этого нестерпимого гнета <...>» [там же: 46]. И тут же в описание внутреннего состояния ребенка вторгается взрослый голос героини-рассказчицы; он задает аналитическую перспективу этому состоянию, подчеркивая неспособность ребенка – ввиду возрастных особенностей и отсутствия опыта – ясно осмыслить себя и мир: “What a consternation of soul was mine that dreary afternoon! How all my brain was in tumult, and all my heart in insurrection! Yet in what darkness, what dense ignorance, was the mental battle fought! I could not answer the ceaseless inward question – WHY I thus suffered; now, at the distance of – I will not say how many years, I see it clearly” / «Как была ожесточена моя душа в этот тоскливый вечер! Как были взбудоражены мои мысли, как бунтовало сердце! И все же в каком мраке, в каком неведении протекала эта внутренняя борьба! Ведь я не могла ответить на вопрос, возникавший вновь и вновь в моей душе: отчего я так страдаю? Теперь, когда прошло столько лет, это перестало быть для меня загадкой» [там же: 46].

На этот момент девочке всего 10 лет, о ее жизни «до» ничего не известно. Следовательно, это поворотный момент в ее личностном становлении. Позже читатель узнает простую и печальную историю ее более раннего детства: ее мать вышла замуж за бедного пастора, послушавшись своих родителей из-за большой любви; родители отреклись от ее матери, а ее собственные родители умерли, когда ей был всего год; мистер Рид – брат ее матери – принял ее в свою семью и воспитывал как собственную дочь, но тоже вскоре скончался, и долгих 9 лет Джейн жила в семье его вдовы, своей тети, под вечный аккомпанемент “reproach of my dependence” / «гнетущих укоров в дармоедстве» [там же: 43].

Описание поведения и облика миссис Рид и ее детей Элизы, Джорджианы и Джона выстраивается в двойной перспективе: синхронного событиям изображения переживаний героини-девочки, ее страха, отчаяния, облегчения, непреодолимого гнева (например: “I felt an inexpressible relief, <...> when I knew that there was a stranger in the room” / «Я испытала невыразимое облегчение, <...> как только поняла, что в комнате находится посторонний человек»; или: “I instantly turned against him, roused by <...> sentiment of deep ire and desperate revolt” / «Я мгновенно накинулась на него, охваченная <...> чувством неудержимого гнева и негодования» [там же: 50]) и ретроспективного аналитического и религиозно-дидактического суждения героини-женщины

(например: “Yes, Mrs. Reed, to you I owe some fearful pangs of mental suffering, but I ought to forgive you, for you knew not what you did <...>” / «Да, миссис Рид, сколькими душевными муками я обязана вам! Но мой долг простить вас, ибо вы не ведали, что творили <...>» [Бронте 2017: 52]). Нужно оговориться, что первая перспектива осложняется тем, как через нее передаются суждения и поступки других людей: так, о некрасивой внешности героини-девочки и красоте ее кузены Джорджианы мы узнаем через отражение в детском сознании Джейн суждений служанок Бесси и Эббот (“<...> one really cannot care for such a little toad as that!” / «<...> кто станет жалеть этакую противную маленькую жабу!» (Эббот); “Not a great deal, to be sure <...> at any rate, a beauty like Miss Georgiana would be more moving in the same condition” / «Верно, немногие. <...> Понятно, что красавица вроде мисс Джорджианы <...> гораздо больше располагала бы к себе» (Бесси) [там же: 60]).

Из образов детей миссис Рид особое внимание обращает на себя образ Джона. Не только потому, что он самый колоритный из всех, но и потому, что он кажется утрированно отвратительным, наподобие готического героя-негодяя, только изображенного в детском возрасте и пародийно. В романе подробно описывается его внешность (“He gorged himself habitually” / «постоянно объедающийся», “with a dingy and unwholesome skin” / «увалень с прыщеватой кожей и нездоровым цветом лица», с “gave him a dim and bleared eye” / «мутным, бессмысленным взглядом» [там же: 39]), его избалованность, глупое чванство, жестокость (“John no one thwarted; though he twisted the necks of the pigeons, killed the little pea-chicks, set the dogs at the sheep <...>” / «Никто не противоречил Джону, хотя он сворачивал шеи голубям, убивал маленьких цыплят, натравливал собак на овец <...>» [там же]).

Все это, конечно, религиозно-дидактические сигналы: ребенок, управляемый страстями – обжорством, гордыней, злобой, – не может (по логике сюжетных линий романа, которая, конечно, следует логике морали протестантской и общехристианской), если не приложит огромных усилий или если огромные усилия не будут приложены со стороны его родителей, вырасти и стать хорошим, а тем более счастливым человеком. Действительно, как становится ясным из дальнейшего изложения событий, Джон уже во взрослом возрасте задолжает крупную сумму денег и покончит жизнь самоубийством, чем доведет свою мать до апоплексического удара.

Схожие религиозно-дидактические сигналы находим и в кропотливых описаниях неконтролируемых всплесков злобы в душе героини-девочки – всплесков, не управляемых сознанием и потому опасных для человеческой души: “A ridge of lighted heath <...> devouring, would have been a meet emblem of my mind when I accused and menaced Mrs. Reed <...> the same ridge, black and blasted after the flames are dead, would have represented as meetly my subsequent condition, when <...> silence and reflection had shown me <...> the dreariness of my hated and hating position” / «Степной курган, охваченный <...> всепожирающим пламенем, мог бы служить эмблемой моей души, когда я обвиняла миссис Рид <...> та же степь, но черная, испепеленная, – вот образ моего душевного состояния, когда <...> я поняла, <...> как тяжело быть ненавидимой и ненавидеть» [там же: 75]. И одновременно всплесков естественных в условиях жестокого и холодного обращения взрослых с ранимым ребенком. Дилемма инстинктивной естественности и рационального контроля не решается в пользу чего-то одного (как следовало бы, исходя из протестантского мировоззрения) в романе², хотя по мере взросления героиня начинает действовать все более разумно. Естественность доброго чувства и рациональный контроль над злыми эмоциями – вот результат духовно-нравственного становления личности героини. Результат, к которому она приходит к тому моменту, когда становится взрослой.

После 9 лет мучений в «своей-чужой» семье Джейн отдают в сиротский приют. Тяжелые жизненные испытания маленькой героини продолжаются. Миссис Рид выбирает для племянницы суровое место с жесткими правилами – Ловудскую школу для девочек-сирот, существующую на средства не столько попечителей этих сирот, сколько благодетелей школы. Ш. Бронте кропотливо описывает полуголодное существование девочек-воспитанниц, суровый распорядок их дня, тяжелые условия их существования, тяготы жестоких наказаний – и радостные моменты весенних и летних прогулок, спокойных бесед, редкой сытости, удовольствия от успехов и похвал. Кроме того, миссис Рид дает Джейн крайне отрицательную характеристику, о которой мистер Брокльхерст – священник, казначей и директор приюта – спустя некоторое время рассказывает всем ученицам и учительницам.

Сцена публичного унижения Джейн – одна из самых драматичных, напряженных в романе. Можно сказать, что это промежуточная кульминация, которая, как в драме, с особенной силой

проявляет слабые и сильные стороны характеров и позиций героев, сталкивая их в открытом конфликте. Мистер Брокльхерст силится играть роль ветхозаветного пророка, обличающего пороки людей, особенно власть имущих, призывающего их очиститься перед Богом. Слабость его позиции в том, что обличает он незащитного ребенка, сироту, которая к тому же, как уже знает читатель, невиновна в том, в чем ее обвиняют. В неоправданной жестокости этого обличения, оттеняемого его лицемерными призывами к усмирению плоти (на фоне его разодетых в пух и прах дочерей и голодных лиц воспитанниц приюта), в этом гротескно отвратительном образе прочитывается неоднозначность отношения автора романа к протестантским доктринам: их сухая рациональность провоцирует жесткость оценок и незаметно подменяет христианскую любовь к грешному человеку ненавистью к нему как к «врагу», как к «отверженному» (по словам самого Брокльхерста).

Слабой оказывается в этой сцене и позиция Джейн: она так напугана тем, что ее все станут ненавидеть, что готова умереть. Ее чрезвычайная зависимость от потребности в человеческой любви, не подкрепленная верой в любовь божественную, могла бы привести ее к полному отчаянию, если бы не поддержка Элен Бернс и мисс Темпль. Ангельская доброта, которая исходит на Джейн из сияющих глаз Элен, ласковость и забота мисс Темпль, ее желание спокойно разобраться в ситуации, ее доверие – все эти проявления человеческой любви чудесным образом исцеляют нравственные страдания Джейн. Она снова обретает силы бороться за свое благополучие.

Инстинкт самосохранения, упорный труд, рациональность в решениях и оценках – вот «три кита», которые ведут Джейн к успеху, т. е. к обретению знаний, некоторой доли уважения со стороны окружающих, внутренней уверенности и самодостаточности. Во многом эти внутренние ориентиры Джейн связаны с протестантскими акцентами в ее мировоззрении [Проскурнин 2009: 57]. При этом вера в чудо и счастье человеческой любви, вырастающее скорее из мировоззрения католического, остается краеугольным камнем ее духовной жизни. В этом смысле сопоставление образа взрослеющей и обретающей внутреннюю силу героини с образом ее угасающей подруги Элен Бернс в структуре романа возникает закономерно. Элен Бернс – сверстница Джейн и ее единственная подруга. Их многое объединяет: они обе серьезные, мечтательны, замкнуты и «странны» своим пристрастием к чтению. Кроме того, судьбы Джейн и

Элен также похожи: их родственники после смерти одного или обоих родителей через какое-то время отказались заботиться о них. Мать Элен умерла, когда та была еще ребенком. Отец отправил дочь в Ловудский приют и женился во второй раз. Элен, как и Джейн, в раннем возрасте осталась один на один с миром, без защиты близких взрослых.

И при этом в мировоззрении, характере и общей модели поведения между Джейн и Элен прослеживается огромная разница. Элен демонстрирует образец христианского смирения – как бы в полном соответствии с общехристианскими (в том числе англиканскими) установками. Однако ее смирение предстает чрезмерным, разрушительным для нее самой. Несправедливость, предвзятость со стороны учителей, которая вызывает гнев и желание бороться у Джейн, Элен проживает, сдерживая эмоции и смиряясь со своей судьбой, со своей социальной отверженностью. Умирая, она никого не винит, но как бы отказывается от жизни, соглашаясь уйти из мира, изгоняющего ее. Объясняется ли такая ее позиция чахоткой или особенностями ее мировоззрения – неким изобретенным самой Элен «трансцендентным протестантизмом» [Vejevoda 2003: 244], выстроенным вокруг идеи смерти как верного пути к счастью, – остается неясным. Очевидно, однако, что Джейн, несмотря на глубокую привязанность к Элен, не перенимает ее взглядов и остается верной себе: в духе протестантизма она настроена на долгую борьбу и упорный труд, потому что чувствует в своей отвергнутости, в своей судьбе не божественный промысел, а социальную несправедливость и простую человеческую жестокость. Именно это – наравне с верой в чудо человеческих отношений – дает Джейн силы выстоять в тяжелых условиях сиротского приюта, а затем, уже во взрослой жизни, завоевать уважение и любовь мистера Рочестера.

Джейн проводит в Ловуде целых 8 лет и, несмотря на все трудности существования в приюте, не черствеет сердцем. Открытое к сочувствию и тонким переживаниям сердце – еще одно достижение Джейн за время ее пребывания в Ловудской школе. Этим, однако, она обязана не только самой себе, но и Элен, и мисс Темпль, которая стала для героини заботливым и любящим взрослым, примером для подражания, а затем и настоящим другом. Таким образом, круг одиночества героини-девочки разрывается в хронотопе Ловуда по крайней мере дважды: через отношения с Элен и через отношения с мисс Темпль. С этой точки зрения, а также с точки

зрения тщательно прослеживаемого в нарративе романа процесса взросления (внутреннего, духовного возрастания) Джейн обретает в Ловуде более устойчивые (хотя и сильно ограниченные) возможности счастья, чем она имела в семье миссис Рид.

Вторая часть романа, посвященная истории пребывания Джейн в доме мистера Рочестера и новым поискам счастья уже взрослой героиней, раскрывает образ детства в новом аспекте, хотя тема сиротства и отверженности ребенка затрагивается и здесь. Джейн в качестве гувернантки теперь обучает девочку по имени Адель Варанс. В первую встречу Адель признается Джейн, что ее мать “is gone to the Holy Virgin” / «ушла к Святой Деве» [Бронте 2017: 157], однако позже Джейн узнает, что мать Адель – французская танцовщица Селина Варанс, у которой был роман с мистером Рочестером, и что она просто бросила девочку на произвол судьбы. Мистер Рочестер сомневался, что Адель была его дочерью, но, узнав о поступке Селины, тут же перевез Адель в свое поместье.

В отличие от Джейн-девочки, в отличие от другой сироты – Элен, Адель окружена заботой и вниманием, отчасти – любовью. У нее много игрушек, и она имеет возможность играть даже со взрослыми. Адель совсем не похожа по характеру ни на Джейн, ни на Элен, ни на других детей в романе, ее образ очень индивидуален: она склонна к жеманности, искусственным позам, болтливости, несколько тщеславна, не любит серьезных книг и разговоров, легкомысленна и поверхностна. Только разумный подход Джейн к ее воспитанию в сочетании с искренним расположением, если не любовью, приносит свои плоды: Адель становится довольно быстро “obedient and teachable” / «послушной и восприимчивой к обучению» [там же: 165].

С образом Адели в романе связано развитие темы беззаботного и упорядоченного детства – детства, в котором есть место разумной заботе взрослых, играм, танцам, игрушкам и нет места излишнему баловству. Также с ее образом связано углубление темы сходства детей и родителей, некоторой предопределенности судьбы детей характером и поведением родителей. Эта тема прослеживается в образах миссис Рид и ее детей, в болтливости и пристрастии Адели к красивым безделушкам, ее склонности к танцам и пению, отсутствию выдающихся способностей. Эта тема затрагивает и образ Джейн: ее стремление к счастью в человеческой любви является своеобразным отражением судьбы ее родителей, их любви.

Как видим, образ детства в романе «Джейн Эйр» многосоставен. В романе прослеживается несколько положительных детских образов и судеб, которые очень или отчасти схожи между собой. Высвечивают их центральное место в структуре образа детства противопоставленные им отрицательные детские образы и соотносимые с ними образы взрослых.

Центральные детские персонажи являются сиротами или имеют всего одного родителя, который не уделяет им должного внимания. Ребенок оказывается отчужден от близких людей, отвержен и практически брошен на произвол судьбы. Сиротство и отверженность становятся тяжелым испытанием для ребенка в период, когда любовь является необходимым условием его выживания. Любовь со стороны близких, иными словами, – это единственный ключ к счастью, который есть у ребенка: неслучайно первая отчетливо осознаваемая и проговариваемая мысль Джейн о себе – “I am unhappy” / «Я несчастна» [там же: 56]. Сопровождающими мотивы сиротства, отверженности, одиночества ребенка становятся в романе мотивы бедности, социальной несправедливости, жестокости по отношению к незащищенным, бесправия детей перед обеспеченными и властительными людьми. Среди образов людей, притесняющих отверженного ребенка, особое место в романе принадлежит образам детей (в частности, детей миссис Рид): через них в образ детства входит тема черствости, жестокости и даже деспотичности самих детей.

Вместе с тем внутренним импульсом, движущим и фабулу романа, и развитие образа героини-девочки, и раскрытие образа детства, становится поиск счастья и ключевые элементы этого поиска – упорная борьба за жизнь, за любовь и за внешнюю и внутреннюю свободу, ассоциирующаяся с независимостью и естественностью. Этот поиск сопряжен уже в начальном эпизоде с мотивами воображения и сверхъестественного (чуда). Доступ к миру фантазии открывается героине-девочке, однако не через игрушки и игру (что удивительно для современного читателя: это почти полное исключение игрового элемента из образа детства!), а через книги. В конце романа этот поиск находит логичное и оптимистичное завершение: героиня обретает счастье в любви и «равноправном» супружестве. На пути к нему героиня проходит не только сложнейшие испытания, но и многоступенчатый путь взросления: от неясных впечатлений-ощущений к четкому осознанию себя, к выработке принципов поведения, к пониманию устройства мира, общества, человека, от полной отчужденности

от мира – к способности сопереживать и открывать свое сердце другому, от творческих задатков и инстинктивности – к предприимчивости, духовной развитости, отстаиванию своей «естественности», своей позиции в сложных жизненных ситуациях. Читателю этот путь раскрывается в многоголосии точек зрения героини, рассказчицы и отраженных в их голосах «чужих» словах.

Не все, как показано в романе, способны пройти через подобные испытания: схватка с жестоким миром может закончиться гибелью ребенка. На трудном пути к счастью героиня в романе Шарлотты Бронте ведома природным упорством и той моделью ответственного и естественно-творческого поведения с опорой на чувство любви, которая вырабатывается в ней – вместе со становлением ее характера – в детстве.

Примечания

¹ Ср.: неоднозначность как принцип сопоставления католического и протестантского мировоззрения в другом романе Шарлотты Бронте – «Виллет» («Городок» / *Villette*, 1853). См.: [Clarke 2011].

² Ср.: Б. М. Проскурнин о естественности в образе Джейн и Рочестера: «Их отношения – это отношения двух естественных людей, ориентирующихся на природу, на нечто более глубокое, чем просто любовь и страсть» [Проскурнин 2009: 60]. В отношении изображения героини-девочки точка зрения на нее исключительно как на «страстную» и «дерзкую», как утверждает в статье С. Шэттлворт, представляется неоправданной. См.: [Shuttleworth 2014].

Список литературы

Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.

Бронте Ш. Джейн Эйр / пер. с англ. В. Станевич. М.: Издательство «Э», 2017. 608 с.

Васильева Э. В. Творчество Ш. Бронте и Э. Гаскелл в контексте духовных исканий ранне-викторианского периода: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 407 с.

Выговская Н. С. Образ детства в современной англоязычной литературе: интертекстуальный диалог: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018. 172 с.

Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте. СПб.: Азбука, 2016. 608 с.

Дмитриев А. С. (ред.) Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Наука, 1980. 639 с.

Дианова Е. Е. Образ детства в английской и русской прозе середины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 249 с.

Кон И. С. Социологическая психология М.: Мос. соц.-психол. ин-т, МОДЭК, 1999. 560 с.

Кузнецова А. С. К вопросу о взаимосвязи автобиографического начала и писательского вымысла в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Русская литература и диалог культур в эпоху глобализации. СПб.: С.-Петербург. гос. ин-т кино и телевидения, 2019. С. 171–175.

Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 4. С. 51–61.

Brontë Ch. *Jane Eyre*. Burlingame, California: Public Bookshelf Corporation, 2014. URL: <http://www.publicbookshelf.com/romance/jane-eyre/> (дата обращения: 19.04.2020).

Clarke M. Charlotte Brontë's *Villette*, Mid-Victorian Anti-Catholicism, and the Turn to Secularism // *English Literary History*. 2011. 78(4). P. 967–989.

Peschier D. *Nineteenth-Century Anti-Catholic Discourses: The Case of Charlotte Brontë*. London: Macmillan, 2005. 220 p.

Shuttleworth S. *Jane Eyre and the rebellious child* // British Library (official website). 15 May, 2014. URL: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/jane-eyre-and-the-rebellious-child> (дата обращения: 12.04.2020).

Shuttleworth S. *The Mind of the Child: Child Development in Literature, Science, and Medicine, 1840–1900*. Oxford University Press, 2010. 497 p.

Siebenschuh W. R. The image of the child and the plot of “Jane Eyre” // *Studies in the Novel*. Vol. 8, № 3 (fall 1976). P. 304–317.

Sloman J. *Jane Eyre's Childhood and Popular Children's Literature* // *Children's Literature*. Vol. 3, 1974. P. 107–116.

Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 896 p.

Vejevoda K. Idolatry in “Jane Eyre” // *Victorian Literature and Culture*. 2003. Vol. 31, № 1, *Victorian Religion*. P. 241–261.

References

Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

Brontë Ch. *Dzhein Eyr* [Jane Eyre]. Transl. from English by V. Stanovich. Moscow, ‘E’ Publ., 2017. 608 p. (In Russ.)

Vasil'eva E. V. *Tvorchestvo Sh. Bronte i E. Gaskell v kontekste dukhovnykh iskaniy ranneviktorskogo perioda*. Dis. ... kand. filol. nauk [Works by Charlotte Brontë and E. Gaskell in the context of spiritual quests of the early Victorian era. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 407 p. (In Russ.)

Vygovskaya N. S. *Obraz detstva v sovremennoy angloyazychnoy literature: intertekstual'nyy dialog*. Dis. ... kand. filol. nauk [The image of childhood in contemporary English literature: Intertextual dialogue. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2018. 172 p. (In Russ.)

Gaskell E. *Zhizn' Sharlotty Bronte* [Charlotte Brontë's life]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 608 p. (In Russ.)

Dmitriev A. S. (ed.) *Literaturnye manifesty zapadnoevropeyskikh romantikov* [Literary manifestos of Western European romanticists]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 639 p. (In Russ.)

Dianova E. E. *Obraz detstva v angliyskoy i russkoy proze serediny 19 veka*. Dis. ... kand. filol. nauk [The image of childhood in English and Russian prose of the middle of the 19th century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 249 p. (In Russ.)

Kon I. S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociologic psychology]. Moscow, Moscow Social and Psychological Institute Press, MODEK Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)

Kuznetsova A. S. K voprosu o vzaimosvyazi avtobiograficheskogo nachala i pisatel'skogo vymisla v romane Sh. Bronte 'Dzhein Eyr' [On the interconnection between the autobiographical element and the author's fiction in the Ch. Brontë's novel 'Jane Eyre']. *Russkaya literatura i dialog kul'tur v epokhu globalizatsii* [Russian literature and the dialogue of cultures in the epoch of globalization]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Film and Television Press, 2019, pp. 171–175. (In Russ.)

Proskurin B. M. Novyy chelovek i novoe vremya v romane Sharlotty Brontë 'Jane Eyre' [New individuality and new age in Charlotte Brontë's Jane Eyre]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 4, pp. 51–61. (In Russ.)

Brontë Ch. *Jane Eyre*. Burlingame, California, PublicBookshelf Corporation, 2014. Available at: <http://www.publicbookshelf.com/romance/jane-eyre/> (accessed 19.04.2020) (In Eng.)

Clarke M. Charlotte Brontë's Villette, mid-Victorian anti-Catholicism, and the turn to secularism. *English Literary History*, 2011, issue 78(4), pp. 967–989. (In Eng.)

Peschier D. *Nineteenth-Century Anti-Catholic Discourses: The Case of Charlotte Brontë*. London, Macmillan, 2005. 220 p. (In Eng.)

Shuttleworth S. Jane Eyre and the rebellious child. *British Library* (official website). 15 May, 2014. Available at: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/jane-eyre-and-the-rebellious-child> (accessed 12.04.2020). (In Eng.)

Shuttleworth S. *The Mind of the Child: Child Development in Literature, Science, and Medicine, 1840–1900*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 497 p. (In Eng.)

Siebenschuh W. R. The image of the child and the plot of 'Jane Eyre'. *Studies in the Novel*, 1976 (fall), vol. 8, issue 3, pp. 304–317. (In Eng.)

Sloman J. Jane Eyre's childhood and popular children's literature. *Children's Literature*, 1974, vol. 3, pp. 107–116. (In Eng.)

Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge, Harvard University Press, 2007. 896 p. (In Eng.)

Vejvoda K. Idolatry in 'Jane Eyre'. *Victorian Literature and Culture*, 2003, vol. 31, issue 1, Victorian Religion, pp. 241–261. (In Eng.)

**POLYPHONY AND THIRST FOR HAPPINESS:
THE IMAGE OF CHILDHOOD IN CHARLOTTE BRONTË'S 'JANE EYRE'**

Svetlana B. Koroleva

**Professor in the Department of Teaching Russian as Native and Foreign Language
Linguistics University of Nizhny Novgorod**

31a, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. klimova1@hotmail.com

SPIN-code: 8621-0051

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

ResearcherID: M-2854-2016

Marina Yu. Kovaleva

Master's Student, Research Laboratory Assistant

Linguistics University of Nizhny Novgorod

31a, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. kovalevamarina.yu@yandex.ru

SPIN-code: 9776-4989

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2682-705X>

ResearcherID: AAX-2589-2020

Submitted 25.05.2020

The article is devoted to the image of childhood as one of the most complex aesthetic elements in Charlotte Brontë's novel *Jane Eyre*. The paper argues that there are two primarily important characteristics of the image in the novel: polyphony – that is, the presence of different points of view on the child and the adult – and thirst for happiness. Special attention is paid to the polyphony of voices describing the heroine-narrator. The paper also focuses on the role of the motifs of orphanhood, rejection and loneliness, on the one hand, and of search for happiness, on the other, in developing the image of childhood. The authors argue that the heroine-narrator not only overcomes ordeals but also accomplishes a multi-stage way of growing up – from vague impressions and sensations to a clear awareness, the development of principles and understanding of the structure of the world; from complete alienation from the world to the ability to empathize and open her heart to another; from creative inclinations and instinctiveness to enterprise, spiritual development, upholding her 'naturalness' and her own way. The paper researches Brontë's technique of accuracy in details as applied to depict the development of the heroine-narrator's spiritual world and her outer image and type of behavior. At the same time, it focuses on two versions (synchronic and in retrospect) of depicting Jane's vision of her own behavior and character. There are also analyzed the ways of comparing and contrasting different child images in the novel: the one based on certain religious-didactic signals (Jane vs. Mrs. Reed's children) and the one based on the religious system of values (Jane and Helen). The paper particularly emphasizes the role of natural tenacity (and naturalness in general) and the Protestant at its core model of responsible and natural behavior based on the feeling of love in leading the heroine-narrator to matrimonial happiness.

Key words: Victorian literature; education novel; Charlotte Brontë; image of childhood; motif; polyphony; didactic pathos; Protestantism.